

ОПРАВДАНИЕ ИРОНИИ, ИЛИ СОКРАТ НАМ ДРУГ

Удивительные вещи происходят с иронией, столь уважаемой и даже любимой категорией эстетики: пока она находится в рамках художественного, стилистического приема, не выходит за рамки произведений искусства, общественное мнение отзывается о ней вполне благосклонно, но как только ирония позволяет себе перейти на философский, этический, мировоззренческий уровни, ее тут же обвиняют в аморальности, растлении молодежи, посягании на святыни.

А.Ф. Лосев считает, что ирония становится категорией философской и мировоззренческой именно в те эпохи, когда философия обращается к человеку, к вопросам человеческого сознания (4, с.80). Сам этот факт уже вызывает улыбку.

Первым философом, использовавшим прием иронии в ходе своих размышлений, был, как известно, Сократ. До Сократа термин "ирония" использовался в литературе. В комедиях Аристофана слово "ирония" употребляется в отрицательном смысле, обозначая обман, насмешку, хитрость и т.п. Говоря о Сократе, нам необходимо обратиться к хрестоматийным данным (взятым в работах А.Ф. Лосева (4,5)). Напомним, что ирония Сократа – это то, что выражает обман только с внешней стороны и то, что по существу выражает полную противоположность высказываемому; это насмешка, но направленная на то, чтобы под видом самоунижения добиваться высшей справедливой цели. Сократ использует иронию, чтобы научить человека думать, более того, Сократ впервые обращает сознание само на себя, то есть совершает философскую рефлексию, что и является классическим началом классической философии, началом философии как таковой, основой же этой философии он считает этику. Сократ в истории мировой философии предстает, как нам кажется, символом абсолютной ответственности за каждое свое слово, ответственности и этической и философской (он поставил проблему определения понятий), философом, живущим по законам своей философской доктрины. Все прекрасно помнят, что Сократа обвинили в том, что он обучает юношей неуважению к старшим и богам. Неуважение это выражалось в иронической форме, поэтому и раздражало так сильно.

Сократовская ирония уже содержит в себе главные характеристики иронии как категории философии и эстетики:

- наличие и соединение двух противоположных смысловых планов (явного и скрытого, требующего разгадки);
- необходимости интеллектуальной подготовки, для того, чтобы понять иронический смысл;
- элемент несерьезности, насмешливости, а также комедийности, то есть притворства, игры;
- связанность с переосмыслением установок, мнений, воззрений, эффект разрушения старого ради нового построения;
- конечным результатом, целью является не смех, улыбки и веселье, которые сопровождают момент выражения, высказывания, демонстрацию иронии, а размышления, нечто серьезное.

Ирония как таковая обладает способностью соединять в себе противоположности, предъявлять их в единстве. Ирония сама по себе амбивалентна, ее нельзя представить только смешной или только серьезной, она обязательно одновременно и серьезна и несерьезна, игрива, как ребенок.

Философия и антропология давно определила человека как существо амбивалентное, двойственное, одновременно биологическое и социальное (культурное, интеллектуальное). Более того, издавна человек определял, строил мир вокруг себя в терминах, в структуре бинарных оппозиций: верх-низ, свет-тьма, хаос-космос, бытие-сознание, отсутствие-

присутствие, да-нет, серьезное-несерьезное, сакральное-обыденное и т.п., причем каждая оппозиционная пара имела положительный и отрицательный полюсы. И отмечалось, что один член оппозиции осознается, существует именно благодаря тому, что в сознании человека он противопоставляется, оттеняется другим членом этой оппозиции. Но при этом, размышляя, сознание выделяет все-таки лишь одну из противоположностей, приписывая ее одной вещи, одному феномену, таким образом, уже предполагая, что эту вещь, феномен уже нельзя обозначить другим членом оппозиции. Таковы классические логические предписания, которые легли в основу системы структурализма, и здесь мы согласимся и присоединимся к мнению Ж.Деррида, что структурализм, неявно выраженный, был неким контрапунктом всей западной культуры и философии в том числе (2, 17).

Сократ попытался нарушить эту систему, он показал возможность совмещения насмешки и серьезного поиска философских знаний, внешнюю игру с глубоким внутренним осмыслением, и сделал это при помощи иронии, в которой видел возможность адекватного сближения, соединения серьезного и несерьезного ради обретения человеком целостности и полноты.

Ирония истории заключается в том, что после гибели Сократа философия и ирония не пересекались очень долго. Лишь в XVIII веке романтизм провозгласил иронию центральной категорией своей эстетико-мировоззренческой системы. Романтическая ирония в основных своих чертах продолжает сократовскую линию, ее общая структура, характеристики вполне соответствуют структуре, характеристикам сократовской иронии, но вместе с тем романтизм усложняет, обогащает иронию, ставит другие акценты. Романтики определили, очертили круг основных противоречий, в рамках которых, между которыми осуществлялась романтическая ирония – это несоответствие должного и сущего, идеала и действительности, духовного превосходства личности и общества. Поэтому романтической иронии свойственно критическое отношение к наличной действительности, вплоть до полного отрицания ее, то есть действительность воспринималась как нечто изначально дефектное и не обладающее статусом подлинности. И, конечно, в противоположность этому полнота жизни личности, утверждение ее личной свободы представлялась некоей компенсацией, попыткой обрести истинное, подлинное бытие. И это был акт интеллектуальной свободы. Достижение идеала свободы представлялось как освоение культурно-исторических ценностей, благодаря которым романтик становится "человеком всех времен", который отбросил все застывшее и ограниченное и релятивизировал все конечное и даже освободился от собственной конечности. Действительность становится шуткой, так как является односторонней, "временной", а жизнь духа, фантазии, воображения – становится серьезным, так как относится к вечному и бесконечному, но ни в коем случае нельзя забывать, что без односторонней, смешной, нелепой действительности невозможно существование человека, носителя сознания, поэтому все же действительность – это также и то, благодаря чему иронизирующее сознание способно вознестись в интеллектуальный мир абсолютной свободы, то, от чего можно оттолкнуться-отказаться. Ф.Шлегель говорил, что "ирония является универсальным чувством действительности" (4, с.78). Иронизирующее воображение романтиков – это ничто иное, как игра смыслами, игра в целое культуры, средство овладения ценностями человеческой культуры, проявление духа творчества (6). То есть ирония, игра иронии, нечто несерьезное, становится для романтиков способом обрести себя, обрести духовную полноту, моментом самопонимания, то есть актом рефлексии. Понимание самих себя, истолкование своей жизни через соотнесение своего "Я" с многочисленными интеллектуальными проявлениями человеческой культуры становится для романтиков способом существования, а это значит, что так называемый романтический способ существования от начала и до конца является интерпретированным бытием. Таким образом, ирония у романтиков

приобретает герменевтический статус. Нужно иметь в виду, что с точки зрения П.Рикера всякая герменевтика, интерпретация в этом смысле делает попытку преодолеть расстояние, дистанцию между интерпретатором и культурной ситуацией, которой принадлежит феномен, текст. Преодолевая это расстояние, становясь в позицию современника данного феномена, текста, интерпретатор хочет сделать его своим, собственным (7, с.25); расширение самопонимания происходит через понимание Другого, следовательно, "Я", Cogito интерпретатора, "Я" романтика поддается осмыслению, схватыванию в системе Я-Другой только при сближении, одновременном присутствии обоих членов оппозиции. Но сознание романтиков было трагичным, и трагичность эта заключалась в желании достичь полноты своего "Я" за счет исчерпанного, полного, абсолютного понимания Другого, понимания мира, культуры, Универсума в целом; единения, слияния "Я"-Другого в едином, цельном сознании, что является прерогативой Бога, – трагичность была в осознании недостижимости этой полноты, цельности.

Безусловно, современники видели в направлении романтизма уничтожающий скепсис, попирающие традиции и общественных порядков и, конечно, аморальность. Конец XIX века возродил теорию романтической иронии в неоромантической эстетике символистов, где ирония и насмешка виделась приемом, разоблачающим ничтожество явления, раскрывающим несоответствие явления и идеала. Символ, в понимании символистов, представлял собой частный случай романтической иронии. Вспомним, например, присущую русским символистам любовь к театральности, к игре, мистификациям. С этого момента в искусстве уже XX века наблюдается постоянный интерес к иронии и как мировоззренческой позиции, подобной романтической, и как эстетической категории, и как стилистическому приему.

Одновременно, постоянно раздаются голоса, обвиняющие иронию в дегуманизации искусства. Еще Ф.Ницше, в работах которого вполне можно проследить влияние романтической иронии, и которого считают чуть ли не идейным вдохновителем постмодернистской ироничной позиции в философии, относился к иронии вполне негативно, называя ее выражением бессилия и страха современного человека перед будущим (5, с.147). Символист А.А. Блок считает иронию "болезнью индивидуализма, эгоизма, опустошенной души" (1, с. 346) и пишет о нивелировании всего святого в душе человека, показателем чего является ирония. Об иронии как симптоме разложения и распада говорят экзистенциалисты. Эту точку зрения развивал также Ортега-и-Гассет, связывая иронию с тем процессом "дегуманизации", который, по его мнению, происходит в современном искусстве (5, с.149).

Совершенно нетрудно представить, каково отношение общества, воспитанного в идеалах модерна, в серьезном отношении и поклонении идеям Разума, к искусству и философии постмодерна, которые, подобно романтикам, провозгласили иронию единственно возможной системой мировосприятия.

В чем же причина тотального увлечения иронией? И действительно ли современный вариант иронии – это циничный отказ человека от своих собственных ценностей, норм, истин, от себя самого?

Ирония постмодерна в своих внешних эстетических выражениях вполне продолжает линию романтической иронии. Но ирония начала проникать и в философский дискурс, примером этому могут служить работы Р.Барта "Удовольствие от текста", Ж.Бодриера "О соблазне", Ж. Деррида "Шпоры: стили Ницше" и т.д., при этом сложно сказать, ирония ли нашла свое наиболее полное, адекватное выражение в постмодернистской критике структуры бинарных оппозиций или постмодернизм свою критику адекватно выразил в структуре иронии.

Одним из оснований этой критики явилась лингвистическая теория Ф.де Соссюра, которая ироническим образом была и причиной, предпосылкой появления структурализма, и теорией, на которую ссылаются, критикуя структуралистские воззрения. Ф.де Соссюр

говорил, что система языка существует, функционирует именно благодаря различию между элементами языковой структуры, различие является условием самой возможности наличия любого знака. Структурализм, а за ним и постструктурализм расширили понимание структуры, перенесли ее с системы языка на систему любых проявлений человеческой культуры, таким образом, любая человеческая реальность стала представляться не просто в терминах языковой, иначе, текстовой структуры, но и как текстовая, языковая сама по себе. Текстовую структуру имеет и человеческая психика, сознание, именно так представляется фрейдовская теория. Структурализм взял у Соссюра идею оппозиций, противоположностей, внутри которых функционирует система, и рассматривал эти противоположности во вполне традиционном ключе как некие изолированные полюсы. Постструктурализм сделал акцент на идее различия. Ж. Деррида (мы будем использовать его теорию (2, 3)) говорит, что в любом примере структуралистского подхода мы находим логические противоречия. Изучение элементов любой структуры бинарных оппозиций неизбежно ведет нас к изоляции этих элементов от целого, мы извлекаем их из структуры, что приводит к утрате присущих им функций, потере своей сути. Кроме того, подобное структурирование, связанное с неизбежным разъемом целого на части, представляет собой еще и уничтожение целостности структуры объекта, и, в конечном счете, уничтожение самого объекта и возможности его понимания. Целостность объекта, структуры возможна только тогда, когда учитывается, улавливается различие как таковое, которое невозможно схватить, обозначить, уловить, однозначно определить, структурные оппозиции равноправны именно благодаря тому, что различие как таковое является тем, что существует прежде появления самой альтернативы. Рассматривая исходный, лингвистический пример оппозиции структуры языка и случаев его речевого использования, невозможно найти, определить, что появилось, присутствовало раньше, что исходное, что производное: структура языка формировалась в процессе речевых актов, речевое выражение всегда находится в рамках структуры языка. То же самое происходит с остальными альтернативными категориями. В данном случае нас интересует структура интерпретирующего сознания: схватывание "Я" самим собой в зеркале своих действий, произведений, объектов, где "Я" не может быть уловлено, определено без отсылающих к Другому следов смысла, в свою очередь Другое не может существовать, определяться, идентифицироваться как Другое без наличия "Я". Возможность понимания заложена именно в рассмотрении целостной структуры, определяющим компонентом которой есть различие.

Таким образом, постмодернистское ироничное, игровое, интерпретирующее мироощущение, в отличие от романтического, не может быть трагичным потому, что отказывается от абсолютизации структурных элементов любого дискурса ради обретения собственной целостности. Удовольствие может быть не только чувственным, но и интеллектуальным, соблазнять нас может не только тело, но и знаки, не столько присутствие, сколько отсутствие, а истина подобна флиртующей женщине, играющей на нашей восприимчивости к ее чарам, но не собирающейся иметь с нами никакого дела. Постмодернистский ироничный дискурс – это сократовские поиски полноты, целостности сознания и бытия, человека и мира, честная ревизия возможностей собственного "Я".

1. Блок А.А. Ирония // Блок А.А. Собрание сочинений в 8-ми т. – М.-Л., 1960-63. – Т.5. – 1963. – С. 345-349.
2. Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск: Водолей, 1999. - 160с.
3. Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск, 1999. – С. 124-159.
4. Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. – М., 1966. – С. 54-84.
5. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. – М., 1965.

6. Мирская Л.А., Пигулевский В.О. Романтическая ирония и игра воображения// Вопросы литературы. – 1967. – № 7. – С. 39-49.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.